

Д.Н.МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Семейная радость (Сибирские рассказы)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — **Д. Сибиряк** (известен как **Д. Н. Мамин-Сибиряк**) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. ста-

новится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0014

Д.Н. Мамин-Сибиряк
Семейная радость
Рассказ

Старуха Марья Андреевна почти целый день проводила у окна. Ей было уже за восемьдесят, и она плохо слышала, хотя горничные и уверяли противное — что не нужно, так старая ведьма, не бойсь, услышит.

— Давно черти с огнем на том свете ищут, — уверяла горничная Даша, очень бойкая и задорная особа. — В чужой век живет старая карга.

Старуха смотрела на Дашу своими мутными глазами, качала головой и отвечала:

— Ужо вот тебя на том свете черти-то припекать будут...

Когда старуха сердилась, лицо у нее делалось страшным: глаза как-то останавливались, нижняя челюсть отвисала, из-под платка на голове выбивались космы начинавших желтеть седых волос. Сейчас трудно было сказать, была она когда-нибудь красива или безобразна, только крючковатый нос и выдававшийся вперед подбородок говорили о резких, типичных чертах.

Итак, Марья Андреевна сидела у окна и

смотрела на улицу. Трудно было бы сказать, о чем она думала и в состоянии ли она вообще о чем-нибудь думать. Впрочем, этим никто не интересовался. Поднималась она раньше всех в доме и этим досаждала прислуге. Потом шла к заутрене — досаждала дворнику; потом приходила из церкви прямо к чаю и досаждала решительно всем, потому что всякому до себя, а эта старуха только мешается. Одним словом, в богатом доме ей не было места, и она это чувствовала. Чуть кто подойдет — она сейчас поднимется и перейдет на другое место.

— Бабушка, да что ты все толчешься! — ворчали на нее. — Даже в глазах рябит...

Если старуха засиживалась на одном месте, когда на нее находило забытье, это еще больше возмущало всех.

— Помилуйте, что она торчит на одном месте, как кукла! Смотреть тошно...

Когда старуха замечала это общее недовольство, у нее делалось испуганное лицо и она старалась куда-нибудь спрятаться, что было не легко, так как семья была большая и все комнаты были разобраны. Нигде не было

места Марье Андреевне, и она слонялась по дому, как тень.

Прислуга устраивала ведьме всевозможные каверзы, а когда та жаловалась дочери Елене Федоровне, настоящей хозяйке, то получала один и тот же ответ:

— Какая вы, маменька, странная... Отчего же прислуга делает неприятности только вам одной?.. Вы просто выжили из ума и со всеми ссоритесь... Ведь этак вы всех из дому выживете. Просто согрешила я с вами...

— Вот умру, тогда никому мешать не буду, — ворчала старуха. — Вы все хороши...

Но злейшими, настоящими врагами ведьмы были двое маленьких внучат, которые не давали ей покоя. Детская изобретательность безгранична. Маленький Коля не мог пройти мимо, чтобы не задеть бабушку локтем, а раз даже подставил ей ногу, и старуха пребольно расшиблась. Варя была постарше и по-своему изводила старуху. Подойдет к ней, сделает ласковое лицо и заговорит:

— Бабушка, ах, как я вас люблю!..

— Уйди, змееныш...

— Нет, серьезно... И все вас любят. Жаль

только, что вы скоро умрете. Так жаль, так жаль...

— Тебя еще переживу, дрянная девчонка! Назло вам всем буду жить...

От злости голова бабушки начинала трястись, а на губах выступала пена. Это забавляло маленьких инквизиторов, и они устраивали настоящую травлю, так что старуха боялась их больше, чем больших. Несколько раз внучата доводили ведьму до того, что она с яростью бросалась к образу и громко начинала их проклинять. Это выходило уж совсем смешно, и маленькие мучители хохотали до слез.

— Бабушка, милая, прокляни еще немножко... Скоро умрешь, и некому будет проклинять. Ну, еще чуточку...

— И проклянущу!.. Всех проклянущу, все змеиное отродье... Не будет вам счастья.

Детская жестокость являлась только отражением жестокости больших. Никто не любил старухи, пережившей самое себя, и дети эту нелюбовь довели до открытой ненависти. Все опыты ведьмы найти защиту у Елены Федоровны кончались еще большей неудачей,

чем распри с прислугой.

— Если уж вы не можете ужиться, маменька, с детьми, в которых все-таки ангельский образ, значит, и в самом деле вам пора умирать.

— Не избывай постылого, матушка, приобретет бог милого, — ворчала ведьма.

— Вот вы всегда так, маменька: сами накликаете беду. Недавно опять проклинали невинных младенцев...

— У, змееныши... — шипела ведьма, страшно ворочая своими мутными глазами. — Мало их проклясть... да.

Надо было случиться так, что и Коля и Варя действительно умерли, умерли от тех безжалостных детских болезней, бессмысленных и обидных, как самая величайшая несправедливость. Еще накануне шалун Коля за общим чаем с удивительной ловкостью отодвинул бабушкин стул, и ведьма полетела на пол, а через два дня он уже лежал на столе в качестве одной из бесчисленных жертв дифтерита. Через пять дней умерла Варя от той же болезни. Обезумевшая от горя Елена Федоровна всю вину свалила на мать.

— Это ваша работа, маменька!.. — повторяла она, ломая руки. — Вот вы их проклинали все... Недаром вся прислуга говорит, что вы в чужой век живете.

Весь дом был против нее, а зять, муж Елены Федоровны, заявил, что не может видеть эту отвратительную старуху. Оставалось еще двое старших детей — женатый сын Василий и замужняя дочь Маня. Они тоже были против бабушки, потому что у них были свои дети, а она как раз накличет беду. Особенно вооружалась Маня. Это была красивая женщина, которая привела в дом красавца-мужа из оголтелых дворян. Она заявила вместе с отцом, что тоже не может видеть ведьму.

— Что же я буду с ней делать? — в отчаянии повторяла Елена Федоровна, начиная держать сторону матери. — Не могу же я выгнать восьмидесятилетнюю старуху на улицу...

— Зачем же на улицу, мама? — сказала Маня. — Никто не гонит, а только можно бабушку устроить иначе...

— Например?

— Мало ли как можно... Нанять комнату

в приличном семействе или небольшую квартиру.

— Чтобы все указывали на нас пальцем? Ах, Маня! Этак ты и меня в меблированные комнаты выселишь...

— С вами, мама, нельзя серьезно говорить... У вас сейчас жалкие слова начнутся. Я говорю только о том, что бабушке же было бы удобнее...

— Маня, ты ошибаешься, — с ласковой строгостью сказал ей нахлебник-муж. — Действительно, будут говорить... Одним словом, неудобно, и тамап права, как всегда.

Муж Мани был дипломат и во всем соглашался с тамап. В данном случае он больше всех ненавидел проклятую старуху и с глазу на глаз настраивал постоянно опеку против нее. Одно уж то, что она ходила в каких-то ситцевых платьях и повязывала по-деревенски голову ситцевым платком, — одно это чего стоило. Приедут гости, люди солидные, а эта кикимора и вылезет.

— Может быть, можно старушку перевести в нижний этаж, — дипломатично советовал он. — Там есть очень милая комнатка рядом с

кухней... Старушки любят тепло.

Этот план был отложен на время, тоже из страха перед знакомыми, — люди злы и наговорают бог знает что: рядом с кухней, из кухни постоянно идет чад, и т. д.

Гости донимали всех, как это умеют делать милые знакомые. Елена Федоровна несколько раз пробовала прятать старуху в такие моменты, но гости были неумолимы, особенно гости. "А где наша милая старушка? — спрашивали дамы. — Ах, как вы счастливы, Елена Федоровна, что у вас есть такая бабушка! Знаете, когда в доме есть такая старушка, чувствуется так уютно и тепло... да".

Это преувеличенное внимание добрых знакомых объяснялось общечеловеческой слабостью кольнуть в самое больное место: все знали, что несчастная старуха всем мешает и что ее никак не могут изжить, и поэтому устраивали самую ядовитую травлю. С другой стороны, все знакомые отлично помнили, что мичуринские капиталы пошли именно от бабушки и пошли темным путем. Тайна этого богатства должна была умереть вместе со старухой, и тогда наследники вздохнули бы свободнее. Конечно, добрые знакомые завидовали Мичуриным и не упускали случая стороной распространять про них самые ужасные

вещи. Например, кто не знал, как эта бабушка ограбила родных внучат? У Марьи Андреевны было двое детей — сын Иван и дочь Елена. Иван нажил большой капитал большими плутнями, а потом попал под суд. Он предчувствовал беду и вперед передал деньги матери с условием, чтобы она их в свое время передала его детям. Старуха вместо этого передала капитал Елене Федоровне. Сын Иван так и умер в тюрьме, а его дети остались нищими. У Мичуриных о них никогда не говорили, точно их и на белом свете не существовало. Особенной наследственностью и жестокостью отличалась Елена Федоровича. Она прямо ненавидела несчастных племянниц и считала личным оскорблением, что они имели дерзость существовать. Время от времени она все-таки испытывала смутные угрызения совести и думала, что другие люди умирают же, а вот эти несчастные живут, несмотря на бедность. Если бы они умерли, да и с бабушкой вместе!

После смерти Коли и Вари у Елены Федоровны явилась счастливая мысль, именно — переселить бабушку вот к этим ненавистным

племянницам. Ведь она не чужая им, пусть они в свою долю поухаживают за ней.

— Мысль, тапан, гениальная, — с восхищением одобрил этот план зять-дипломат. — Знаете, мы даже не имеем права лишать наших милых родственниц этого удовольствия... Конечно, нам не легко будет расстаться с милой бабушкой, но они имеют на нее такое же право. Да...

Выселение бабушки состоялось необыкновенно быстро. Ограбленные племянницы жили где-то на окраине и вдвоем занимали одну комнату. Но "милой бабушке" нашлось место. И какое отличное место: у самой печки! Племянницы существовали работой, которую брали из модных магазинов, и кое-как сводили концы с концами. Бабушку они приняли без удовольствия, но и без ненависти.

— Живите, бабушка... Место найдется.

Старуха посмотрела на дело иначе. Она ни за что не хотела переезжать к озлобленным внукам и страшно протестовала. Из мичуринского дома ее увезли почти силой. Уезжая, она еще раз прокляла Елену Федоровну со все чады и домочадцы.

— Маменька, успокойтесь... — уговаривала Елена Федоровна. — Нехорошо, вы себя тревожите.

— У, змея... — шипела старуха.

Странно, что, поселившись у внучек, где был и уход и привет, старуха страшно скучала об оставленном змеином гнезде и неутошенно плакала.

— Я для них все сделала... — повторяла она в отчаянии. — На чьи деньги они живут? Тогда сын Иван все мне оставил, а я все отдала Елене. Да... Разорила я вас, внучки, пустила по миру. Ну, а милая дочь Елена меня на старости лет выгнала из дому... Не будет им счастья!..

— Бабушка, зачем помнишь старое? — уговаривали внучки. — Нам ведь ничего не нужно...

— Глупые вы, вот что... Если бы у вас были деньги, так не остались бы перестарками. За муж бы вышли, а теперь вот христовыми невестами живете... Тоже не сладко. Другие-то живут да радуются, а вы над иголкой высохли.

Внучки действительно были уже в том

возрасте, когда о женихах не думают. Старшей было за сорок, а младшей под сорок. Впрочем, им и некогда было думать о своей женской "судьбе" — все отнимала забота о куске хлеба. А тут еще бабушку бог послал... Елена Федоровна, спровадив старуху, не позаботилась обеспечить ее, — много ли старухе нужно? Пусть внучки позаботятся сами о ней — не чужая.

У внучек старуха прожила недолго. Ее точно съела тоска по ненавидевшей ее семье. Она все тосковала и не отходила от окна. Сядет и сидит, не шевелясь, целые часы. События последних лет как-то совсем выпали из ее памяти. Она жила далеким прошлым, где ярко вставали одна картина за другой. Ей тогда казалось, что она слышит шаги сына Ивана. Раз она проснулась и заявила:

— Ну, внучки, не буду больше никого беспокоить... Скоро помру. Видела во сне сына Ивана. Вошел он в комнату и этак пальцем меня манит... Ничего не говорит, а только пальцем...

Действительно, через три дня старухи не стало. Она умерла, сидя на стуле у окна.

Известие о смерти бабушки произвело в мичуринском доме большой переполох. Все были рады и все старались не выдать своей радости. Многолетняя обуза спала с плеч. Только для приличия погоревала Елена Федоровна.

— Это милые внучки уморили старуху, — роптала она. — Она прожила бы еще лет десять, если бы не внучки...

1895 [1]

Примечания

Впервые опубликован в журнале "Вокруг света", 1895, № 1. Включен автором в состав "Сибирских рассказов" в 1905 году. Печатается по тексту: "Сибирские рассказы" т. II, М., 1905.

[^^^]